

УДК 1: 321.01: 316. 42

ТАВРО КАССАНДРЫ: РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ И РЕАКЦИОННОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ (СТАТЬЯ 1)

В.В. Ильин*, С.О. Рамазанов, А.В. Тимофеев*****

* ГБОУ ВПО Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана, г. Москва

** ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА
им. К.А. Тимирязева» г. Москва

*** ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет
имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский
университет), г. Самара

Рассматриваются идейно-символические основания социально-преобразовательного опыта отечественной действительности. Раскрываются особенности движения от продуктивной мысли к практическому результату в общественной обновленческой деятельности.

Ключевые слова: *революция, инновация, реформа, социальное созидание.*

Умудренный опытом многотрудной российской жизни, откорректировавшей собственное абстрактное западничество, Грановский предостерегал не ввергать страну в пучину трагедий жертвенности, завещал любить живую Русь, а не ветхий её призрак. Не вняв увещаний, отечественные путеводители (представители «просвещенной», «размышляющей» публики) упустили шанс выйти из навязанных Просвещением правил игры – из самых здоровых, истинных взглядов выводить самые опасные, самые глупые, самые нелепые практические последствия. Все как один в деле обустройства России они оказались в плену старого: заняли платформу парадоксализма – для преобразования русского мира ушли в подполье. Традиционная функция ментальной условности устремилась к нулю. В поисках опоньского царства началось «разумное», «естественное» экспериментирование над державой, народом.

Для «просвещенной», «размышляющей», окрыленной мечтой радикальной публики работа над устройством человеческого счастья, замечает Франк, «сводится к расчистке, устранению помех, т. е. к разрушению». Кредо этой публики, которое, кстати сказать, «обыкновенно не формулируется отчетливо, а живет в умах как бессознательная, самоочевидная и молчаливо подразумеваемая истина, предполагает, что гармоническое устройство жизни есть как бы естественное состояние, которое неизбежно и само собой должно установиться, раз будут отменены условия, преграждающие путь к нему; и прогресс не требует собственно никакого творчества или положительного построения, а требует

лишь ломки, разрушения противодействующих внешних преград» [11, с. 96].

Всякое обновление на Руси – революционная, фанатичная ломка. Ломали Иван IV, Петр I, большевики, либералы. На то и обновление, чтобы ломать все то, что мешает быстро (непрерывно быстро!) идти вперед.

С ломкой ясно. Что же стройка? До стройки не доходили. В лучшем случае ограничивались перестройкой, которую примитивный донельзя просвещенец Горбачев определял как «решительную, крутую ломку».

Перефразируя Шекспира, можно сказать: на часть ума – три части дерзости. Ломка, борьба, расчистка всего во имя всех и вся. Неумеренность в изменениях на благо безответственного оптимизма отчетливо выразил Троцкий, отождествивший революционно преобразуемое отечество с веком и миром: «Я люблю отечество во времени – этот в бурях и грозах рожденный XX век. Он таит в себе безграничные возможности. Его территория – мир. Тогда как его предшественники теснились на ничтожных оазисах внеисторической пустыни» [10, с. 198].

Выход на исторический простор с гимном «святому безумству» без всякого отношения к «злобе дня» осуществляется с использованием классического реквизита революционного поведения, подразумевая заставляющие реалии мощнейшие покровы максимализма, радикализма, нигилизма, нетерпимости, насильственности. С классическими же аксессуарами: страстной преданностью *idee fixe*, любовью к дальнему, служению народному благу вообще, всеотрицанием бытия наличного.

Верный остаток позитивной жизни в такого рода действе сжался, выпарился, поредел, подменился иницирующей революционностью назначения. Революционность же, как известно, состояние по существу своему отрицательное, обращенное назад, ибо питается гипнотической властью зла в прошлом; творческому ее полету «мешает какая-то влюбленная ненависть к старому» [1, с. 682].

Причина поражения дворянских революционеров – гуманизм. Человечески понятное тактичное сомнение в промыслительности собственной роли Характерна совестливая рефлексия декабриста Е.И. Оболенского: «Имеем ли мы право как частные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего отечества, предпринять государственный переворот и свой образ воззрения на государственное устройство налагать почти насильно на тех, которые, может быть, довольствуясь настоящим, не ищут лучшего; если же ищут и стремятся к лучшему, то ищут и стремятся к нему путем исторического развития». И далее: «...государственное устройство есть выражение или осуществление идей свободы, истины и правды, но форма государственного устройства зависит не от теоретического воз-

зрения, а от исторического развития народа, глубоко лежащего в общем сознании, в общем народном сочувствии» [4, с. 86–87].

Политические, государственные формы обретают значительность в зависимости от исторического, социально-культурного, гражданского развития народа. В этом дело. Но этим-то всегда, везде, планомерно, неизменно пренебрегали в России, предстоятели которой, толкаясь в передней вызволения народа, спасения мира, утверждались в игровых масках «знатоков» прогресса, «путеводителей», «поводырей» человечества. Без достаточных на то оснований.

Просвещенные предстоятели, следовательно, проявлялись как самозванцы. Что ставило под сомнение их земную полноценность.

Полномасштабную, всеобщую историю Просвещения как историю самозванства в России написать невозможно. Пришлось бы писать, а значит, проживать всю российскую жизнь заново. Тем не менее соответствующий краткий курс в сатиротрагическом жанре выполнен весьма точно. Мы имеем в виду рассказанную Салтыковым-Щедриным занимательную историю города Глупова.

История города Глупова. Преобразования, начатые европейским Просвещением, не остановились перед дверью России, где ответ на гражданские недоумения стали искать в политике диких новшеств – созидании абсурдного бытия. «Деловая родственность» европейских и отечественных просветителей обнаружилась в затеях сказочных превращений, призванных реализовать чаемое, догнать, перегнать, накормить, обогреть, обустроить, повернуть, перестроить и т. п. Преодоление наличных (непотребных) реалий, преобразование их в направлении нужном производилось в мечте – не только через бумажную трескотню, канцелярский зуд «радостных посулов», но и осязаемо, грубо, зримо – через мертворождающие инициативы: жестокость, животность, зло, беззаконие, инстинкт разрушения, налаживание утробного существования.

Патологичность – самая ёмкая квалификация российского бытия, противоположного бытию нормальному.

Почему город Глупов обращен в пустыню, а обитатели его в живых двуногих? Почему на вопрос «как вы таким манером жить можете?» получается ответ «так и живем, что настоящей жизни не имеем». Потому что нельзя иметь настоящей жизни, если градоначальники разоряют, армия разрушает, законодатели испытывают, «достаточно ли население твердо в бедствиях».

Сказанное не гротеск, не злая насмешка, не избыточная гипербола. Это – национальный капитал, наращиваемый в отечественных пределах в ариадновых веках. История города Глупова, уведомляет автор, «прежде всего представляет собой мир чудес, отвергать который можно лишь тогда, когда отвергается существование чудес вообще». Однако же «бывают чудеса, в которых, по внимательном рассмотрении, можно подметить довольно яркое реальное основание». Ознакомившись с ис-

торией города Глупова и сличивши ее с реальной отечественной историей, убеждаешься: чудеса имеют довольно яркое реальное основание. Заменяй имя вымышленного градоначальника Глупова именем подлинного неважно какого – коронного, совкового, перестроечного, либерального, современного местного или федерального – не ошибешься.

Не будем проводить аналогий, искать прототипы, восстановим выборочно галерею трагифарсовых колоритных лиц.

Дементий Варламович Брудастый, имевший в голове некоторое особое устройство и прозванный за то «органчиком», прославился разработкой тактики «натиска» и при том «быстроты», и при том «строгости», и при том «благоразумной твердости», позволявшей достигать главную цель при посредстве глубоко административных мероприятий, составляющих сущность, ядро всесторонне обдуманного плана любых кампаний.

Василиск Семенович Бородавкин, ведший войны за просвещение, сочинитель проекта «О вящем армии и флотов по всему лицу распространении, дабы через то возвращение (sic) древней Византии под сень Российския державы уповательным учинить», каждый день прибивающий к нему по одной строчке.

Феофилакт Иринархович Беневоленский – мудрый, оказывавший склонность к законодательству человек, которому приписывают составление законов:

«всякий человек да имеет сердце сокрушенно»;

«всяка душа да трепещет»;

«всякий сверчок да познает соответствующий званию его шесток» и прочих.

Иван Пантелеевич Прыщ, достоинство которого составляло необыкновенное физическое сохранение, подчеркиваемое уведомлением «Я могу! Я еще очень могу!»

Эраст Андреевич Грустилов – натура чувствительная, красневшая при разговорах о взаимных отношениях двух полов, друг Карамзина, автор идиллического сочинения «О восхищениях благочестивой души», предоставивший юридическому Яшеньке кафедру философии, которую нарочно для него создал в уездном училище.

Угрюм-Бурчеев без имени-отчества, бывший прохвост, фанатичный нивеллятор «хождения в струне», «бараньего рога», «ежовых рукавиц» вместе взятых, чуткий охранитель общественной гармонии, устроитель для поддержания оной образцовой муниципии. Самый вид его вызывал у горожан мысли соответственные: «Думалось, что небо обрушится, земля разверзнется под ногами... налетит откуда-то смерч и поглотит все разом... то был взор, светлый, как сталь, взор, совершенно свободный от мысли, и потому недоступный ни для оттенков, ни для колебаний. Голая решимость – и ничего более».

Назначенные впопыхах предстоятели города (возможно – Отечества) все как один, не умирая от угрызений совести, на запросы жизни отвечают красноречивым и небескорыстным невежеством. С точностью физиономиста выписывает Щедрин детали их наружности. Они смотрят тупо, невнятно, не могут произнести нескольких слов, чтобы не впасть в одышку, топырят губы, как-то нелепо шевелят ими, точно сосут собственный язык. В общем, портреты идеально-благонамеренных плотоядных скотин. В другом месте, но по тому же поводу (об облике типичного представителя номенклатурного клана странствующего полковника Редеди): «...лицо его было похоже на улыбающийся фаршированный сычуг ...отливала глянец на солнышке его лысина и весело колыхался овальный живот ...губы припухли от беспрерывного закусывания, а глаза подергивались мечтательностью при первом намеке об еде» [8, с. 289]. (Не правда ли, узнаваемо?) Однако, чётко зная свое дело, четко перешедши на стезю «благонамеренности», административного восторга «годить», не называя себя коммунистами, они при этом вменяют себе за честь и обязанность быть оными «от верхнего конца до нижнего» [7, с. 407].

Ретивые начальники, одержимые рвением не по разумению «как можно больше вреда сделать», они развернули фронтальную атаку на обывателя (народ), дабы его сначала скрутить, потом в бараний рог согнуть и, наконец, в отделку, ежовой рукавицей пригладить. Там, глядишь, когда он вышколится, тогда уже «сам собою постепенно отдышится и процветет». (Узнаваемо?)

Прохвосты, задумавшие уловить вселенную, они создавали цветущий просвещенческими цветами фантазмагорический, мечтательный мир, где нет ни страстей, ни увлечений, ни привязанностей, где можно, начертив прямую линию, втиснуть в нее весь человеческий универсум. Итог? Город обращен в пустыню, народ – в животных, жизнь – в мертвое, стоячее болото.

Идеал претворился (для Угрюм-Бурчеева, отмечает Салтыков-Щедрин, пустыня представляет «именно ту обстановку, которая изображает собой идеал человеческого общежития»), но настала каторга – такое состояние, в котором «обыватели не в свое дело не суются, пороку не выдумывают, передовых статей не пишут, а живут и степенно блаженствуют. В будни работу работают, а в праздники – за начальство богу молят». (Узнаваемо?)

Жить и дрожать – только и всего. Что соответствует просвещенческому (утрированному Бабефом) понятию «разумно», «естественно» устроенной жизни.

Политическая мечтательность в России – в ходу. Она не завершилась эпопеей («апупеей») славного города Глупова. Никто не избежал общих веяний Просвещения. В первую очередь прямые наследники его – большевики. Феодалный город Глупов передал эстафету социа-

листическому городу Градову. Процесс, как говаривал мелкий деятель отечественного Просвещения, пошел. И несть ему конца.

История города Градова. Возбуждать надеждой, манить новизной, иметь потребность в немедленном и громогласном провозглашении свершенности идеалов – не особенность времен допотопных. Вызывающая гнев, но и сочувствие работа поверх истории продолжалась. Как у Ильфа с Петровым: возводить центральный клуб с громадной колоннадой, но без... туалета – отличительная черта и эпох позднейших.

Поступающие по произволению строители нового общества рожали его из своих горячечных, «пламенно революционных» голов искусственно. Перстующими манифестами служили «научно обоснованные», т. е. абсурдные, утопичные планы партии, решающие жизненные проблемы сугубо просвещенческим умозрением. Здесь:

– доктринальность: политграмота, промывка мозгов, тестирование на благонадежность. Как у Платонова: «...чтобы построить деревенский колодезь, техник должен знать всего Карла Маркса». У Толстого по схожим, с позиций здравого смысла нелепым случаям, в «Плодах просвещения», – «Двистительно!»;

– мелочная опека: неустанная «забота о трудящихся» партии и ее уполномоченных. Типичные проводники намеченных партией планов для народа – агитаторы, горланы, главари, активисты, информаторы, стукачи, кабинетчики, комитетчики, «статистики настроения умов», «сердцеведы», присвоившие право распоряжаться людьми, их образом мысли и действия, – лица, очень похожие на социальных домогателей (предписывающих в спальне есть, а в прихожей оперировать) Швондеров и их приспешников – кобелей Шариковых;

– канцеляризм: канцелярия – милый ландшафт Шариковых – серый покой тихих комнат, наполненных «умственными» тружениками, «был для них уютней девственной природы»; «за огорожами стен они чувствовали себя в безопасности от диких стихий неупорядоченного мира и, множа писчие документы, сознавали, что множат порядок и гармонию в нелепом, неустойчивом мире» (Платонов);

– помпадурская спесь, громаде планов. В городе Глупове замышляли (или могли замышлять) повороты рек, не ведая ни о процессе их образования, ни о законах, по которым они текут вниз, а не вверх (Узнаваемо?). В городе Градове замышляли (или могли замышлять) рытье котлована. Заметим: замышляется действие как таковое – самодостаточное, несущее в самом себе пафос. Главное – повернуть, разрыть – безотносительно к издержкам, природе, логике, здравому смыслу, народной воле;

– прожектерство: отрешенное радение о светлом грядущем, случай платоновского Шмакова, сочиняющего «Записки государственного человека» (как не вспомнить щедринского Бородавкина, сочиняющего

науку «колико каждому Российской империи лестному сыну отечества быть твердым в бедствиях надлежит»);

– мистагогическая маниловщина: расчет на таинства, чудотворства. Город Градов. «В Москве руководители губернии говорили правительству, что хотя нельзя сказать точно, на что истрачены пять миллионов, отпущенные... на сельское хозяйство, толк от этих миллионов должен быть: все-таки деньги истрачены в градовской губернии, а не в чужом месте и как-нибудь скажутся;

– Может, пройдет десять годов, – говорил председатель градовского губисполкома, – и у нас рожь начнет расти с оглоблю, а картошка в колею. Вот тогда и видно будет, куда ушло пять миллионов рублей!». Город Глухов. Выгонные земли Византии и Глухова были до такой степени смежны, что византийские стада почти постоянно смешивались с глуховскими, и из этого выходили беспрестанные пререкания, «казалось, стоило только кликнуть клич...». Клич время от времени кликали: «Догнать», «Перегнать» – и получали... мясо-молочную катастрофу. Научные признаки голода – узнаваемые реалии;

– имитаторство: рождение новой эпохи усилиями идеологических проходимцев осуществлялось внеисторически – «история текла над их головами, а они сидели в родном городе, прижукнувшись, и наблюдали... за тем, что течет», будучи уверены, что «то, что течет, потечет – потечет и – остановится».

Были ли партийные планы созидания дикого, абсурдного, мечтательного бытия планами народа? Нет. Однозначно. Тогда почему народ молчал, не восставал, не боролся? Во-первых, не молчал, а как мог боролся, восставал. Правда, как правило, безуспешно. На то и строилось российское государство как военно-полицейское, чтобы повсеместно исполнять начальственные предначертания, продлять социальное зло, античеловеческий мир. Во-вторых, что важнее, тупость, беззаконие, расправа воспринимались народом как ordinarily жизненное. С ними плохо, но без них неизвестно как. Проблему в такой плоскости рассматривал Салтыков-Щедрин, утверждая: «С недоумением спрашиваешь себя: как могли жить люди, не имея ни в настоящем, ни в будущем иных воспоминаний и перспектив, кроме мучительного бесправия, бесконечных терзаний поруганного и ниоткуда не защищенного существования» [9, с. 38–39]. Вывод, к которому он приходит, следующий: «Русский мужик беден действительно, беден всеми видами бедности, какие только возможно себе представить, и – что всего хуже – беден сознанием этой бедности... Приди он к этому сознанию, его дело было бы уже наполовину выиграно» [6, с. 259].

Следовательно, бедность сознания, не позволяющая понять, т. е. обобщить происходящее и вскрыть маскируемую им порочную первопричину. Порочная первопричина же заключается в том, что каково общество, таков и человек. Лобовую сцепку одного с другим замысли-

вали разбить веховцы, толстовцы, уповавшие на персональное самосовершенствование, религиозное преображение, по их понятию, предуготовливающее заветную инверсию: каков человек, таково и общество. Ввиду множества причин не получилось. Обновления России через «распрямление человека» не произошло. Конъюнктурная борьба и условия оказались выше; с фатальной обреченностью они подавили как народный, так и личностный энтузиазм созидания. Победил просвещенный нажим, переводящий народ в поселенную единицу. (Как в городе Глупове: «Одни пишут доносы, другие вредные проекты сочиняют, третьи об оздоровлении ходатайствуют. Не хлеба нам надобно, а шпицрутен!») (Узнаваемо!)

Отвращение к педали вкупе с вялым пунктиром не выбитого еще здравомыслия намечало едва не вынужденную стратегию выживания;

– долготерпение: линия абсолютного народного большинства, руководствующегося в естественном самотеке рутинной жизни принципами «бог не выдаст, свинья не съест»; «плетью обуха не перешибешь». (В «Современной идиллии» на вопрос, «чем кормятся», крестьяне дают ответ: «...так, кое-чем. Тальки прядем; продадим – хлеба купим. Мыкаемся тож... Строго ноне... Все одно, что в гробу живем... Урядники ноне». Узнаваемо!);

– хилиазм страдания: линия сектантов-правдоискателей (скопцы, раскольники, острожники и т. д.). Вспомним скопцов:

За страдания – дарования

Злата, серебра, крупна жемчугу

И с пресветлыми бриллиантами [3, с. 437].

(Следовательно, счастье – не через труды, а через лишения. Полный контраст с пуританской этикой трудовой аскезы. Отечественные скопцы поощряли ростовщичество);

– выход из государственного порядка: линия диссидентов, оппозиционеров, революционеров, нигилистов, подпольщиков, заговорщиков, лишних, гулящих людей.

Сказанное отменяет обвинения народа в «неспособности к развитию». Давая волю оценочным суждениям, необходимо принимать в расчет, что над народом «тяготело и тяготеет», «какое окружает его чиновничество», «каковы его наставники» (в том числе духовенство), «как бьется он из-за насущного куска, таская во всю жизнь на плечах своих зипун, а на ногах лапти» [5, с. 295].

В неразвитости народа виноват не народ, а борющиеся за его «счастье» радетели-просвещенцы. Реформаторы-строители которых большевистских, либеральных окрасов.

Вместе с тем – непротивление злу влечет торжество зла. Какой же свой шанс не использовал народ, чтобы выйти из навязанных ему отечественными просветителями злокозненных правил игры?

Нет страшнее деятельного невежества. Выводящие демагогию на новые уровни социальной техники системщики разума, подпольщики революции не оставляли народу никакого шанса; он не мог избежать машинерии «рационального» устройства. Щука садилась на яйца. Внешние интервенции во внутреннюю народную обитель разрушали продуктивного человека. Совершенно стихийно, непреднамеренно открыл это для себя Кропоткин, изумлявшийся: «Я видел, какое громадное количество труда затрачивает финский крестьянин, чтобы расчистить поле и раздробить валуны, и думал: “хорошо, я напишу физическую географию этой части России и укажу лучшие способы обработки земли. Вот здесь американская машина для корчевания пней принесла бы громадную пользу. А там наука могла бы указать новый способ удобрения”». Такова прелюдия. Далее – отрезвление: «Но что за польза толковать крестьянину об американских машинах, когда у него едва хватает хлеба, чтобы перебиться от одной жатвы до другой, когда арендная плата за эту усеянную валунами землю растет с каждым годом по мере того, что крестьянин улучшает почву. (Ему лучше – значит, надо сделать так, чтоб было хуже. – *Авт.*) Он грызет свою твердую, как камень, ржаную лепешку, которую печет дважды в год, съедает с нею кусок невероятно соленой трески и запивает снятым молоком». Далее – прозрение: «Как смею я говорить ему об американских машинах, когда на аренду и подати уходит весь его заработок! Крестьянину нужно... чтобы я помог сделаться собственником или вольным пользователем земли». Далее – возмущение: «...мысленно я переносился из Финляндии к нашим... крестьянам... Теперь они свободны и высоко ценят волю, но у них нет покосов (не одно, так другое. – *Авт.*)... Когда я был мальчиком, Савохины посылали в ночное шесть лошадей, Толмачевы – семь. Теперь у них только по три лошади. У кого было прежде по три, теперь и двух нет, а иные бедняки остались с одной. Какое же хозяйство можно вести с одной жалкой клячонкой! Нет покосов, нет скота и нет навоза! Как же тут толковать крестьянам про травосеяние! Они уже разорены, а еще через несколько лет их разорят вконец, выколачивая чрезмерные подати» [2, с. 215–216].

Пишем и ловим себя на мысли, что сказано – о временах вечных. Чем больше все в России меняется, тем больше все тут не меняется. Изменяются строй, режим, правительство, проходят чередой государственные мужи, мелькают полномочные сановные люди, а на народной ниве без перемен. Какая разница, какого цвета флаг на башне, главное, как прежде, – производящий человек не заинтересован в наращивании трудовой отдачи. Сколько усилий ни приложить, эффект мизерный. И даже отрицательный: чем больше вложить, тем больше потерять. Богатства гибнут (то продать, то сдать, то вывезти нельзя, то одного нехватка, то другого), и пропадают стимулы их созидать. Все идет прахом – атрофируется самоорганизация, исчезает инициатива, утрачивается энтузи-

азм, деградирует продуктивность, разлагается лицо. Входит в раж иждивенчество.

Просвещенческие идеалы воплощались борьбой, их предлагалось отстаивать революцией – фронтальными нашествиями утопической разрушительной новизны. Подобными явлениями изобилует история Запада, однако в отличие от России сверхразрушительного эффекта нет. В чем дело? Дело в отношении к *terre-a-terre* – повседневному миру будничности.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. К истории и психологии русского марксизма // Полярная звезда. 1906. № 10. С. 678–686.
2. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 528 с.
3. Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. СПб.: Типография доктора М. Хана, 1868. Т. 1. 568 с.
4. Мемуары декабристов Северного общества. М.: Изд. МГУ, 1981. 420 с.
5. Никитин И.С. Соч. М.: Изд. Сытина, 1855. 655 с.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 7. 520 с.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: Художественная литература, 1970. Т. 9. 487 с.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1973. Т. 15. 587 с.
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 17. 620 с.
10. Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
11. Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 600 с.

CASSANDRA'S BRAND: REVOLUTIONARY AND REACTIONARY IN RUSSIAN LIFE PART 1

V.V. Iyin*, S.O. Ramazanov**, A.V. Timofeev***

* Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow

** Moscow State Agricultural Academy named after C.A. Timiryazev

*** Samara State air-cosmic university named after S.P. Korolev

The article is aimed at the analysis of the ideological and symbolic foundations of the Russian social reality practical transformation experience. The specific traits of the transition from the productive thought to the practical result in the social innovative activity are examined.

Keywords: *revolution, innovation, reform, social creation.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru.

РАМАЗАНОВ Сираждин Омарович – кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва. E-mail: sramazanov@mail.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПМ и ВТ СГАУ ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет), Самара. E-mail: timofeev av@list.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – Ph.D., Prof. of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

RAMAZANOV Sirajdin Omarovich – Ph.D., lecturer, Philosophy and Sociology Dept., Moscow State Agricultural Academy named after C.A. Timiryazev. E-mail: sramazanov@mail.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – Ph.D. (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Dept. of Applied mathematics and information technology, Samara State air-cosmic university named after S.P. Korolev. E-mail: timofeev av@list.ru